

КАЛИНИНА Анастасия Алексеевна

**ДРЕВНЕРУССКОЕ НАСЛЕДИЕ
В СОВРЕМЕННЫХ ГОВОРАХ
ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
(ФОНЕТИЧЕСКИЕ,
МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ,
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ)**

10.02.01 — русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград — 2008

Работа выполнена в Государственном образовательном
учреждении высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный педагогический университет».

Научный руководитель — доктор филологических наук,
профессор *Кудряшова Римма
Ивановна*.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор *Тупикова Наталья
Алексеевна* (Волгоградский
государственный университет);

кандидат филологических наук,
доцент *Черенкова Анна
Дмитриевна* (Воронежский
государственный педагогический
университет).

Ведущая организация — Астраханский государственный
университет.

Защита состоится 3 октября 2007 г. в 12.00 час. на заседании дис-
сертационного совета Д 212.027.03 в Волгоградском государственном
педагогическом университете по адресу: 400131, г. Волгоград, пр. им.
В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Вол-
гоградского государственного педагогического университета.

Текст автореферата размещён на официальном сайте Волгоград-
ского государственного педагогического университета: <http://vspu.ru>
2 сентября 2008 г.

Автореферат разослан 2 сентября 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000510593

Е.В. Брысина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Историческое развитие языковых явлений и языковой системы в целом привлекает внимание многих ученых-лингвистов. В современных российских и зарубежных научных работах по языкознанию активно изучаются языковые трансформации, определяется их характер, устанавливаются причины, а также выявляются черты, сохранившиеся в языке с древнейших времен.

Наиболее изученными в этом плане являются фонологический, морфологический и синтаксический уровни языковой системы. В отечественной лингвистике XX в. немало работ, в которых были проанализированы трансформации, произошедшие в литературном языке, а также в русских народных говорах. Исследованиями в области диалектологии и истории восточнославянских языков занимались и занимаются такие известные ученые-лингвисты, как А. А. Шахматов, Р. И. Аванесов, Ф. П. Филин, С. П. Обнорский, В. Н. Сидоров, В. И. Борзавский, П. С. Кузнецов, К. В. Горшкова, Л. Л. Касаткин, В. В. Колесов и мн. др. Тем временем лексика, в особенности лексическая семантика, продолжает оставаться малоизученной с этой точки зрения.

Волгоградские ученые особое внимание уделяют вопросам региональной лингвистики. В наши дни значимым становится исследование говоров Волгоградской области как территории позднего заселения. Большой вклад в их изучение внесли такие ученые-диалектологи, как Л. М. Орлов, Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина.

Говоры Волгоградской области — переселенческие, вторичного образования. На территории Волгоградской области представлены как ранние переселенческие говоры, сформировавшиеся в XVI—XVII вв., так и собственно переселенческие, формирование которых началось с середины XVIII в. Соответственно волгоградские говоры принято делить на две большие группы: донские и волжские диалекты (Орлов 1984; Кудряшова 1997). В целом волгоградские говоры настолько пестры и неоднородны, что именно этот языковой материал интересен для выявления исконных древнерусских черт. До настоящего времени диалекты, функционирующие на территории Волгоградской области, в диахроническом аспекте исследованы не были. Всесторонний анализ волгоградских говоров в диахронии способствует решению клю-

чевых проблем фонетики, морфологии и лексикологии русского языка. Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа языковых процессов волгоградских диалектов в исторической ретроспективе. Анализ истории развития фонетических, морфологических и лексических особенностей в говорах Волгоградской области помогает созданию более целостной картины формирования исследуемых диалектов, выявлению основных тенденций их развития, способствует более глубокому изучению особенностей диалектной речи.

Объект нашего исследования — современные говоры Волгоградской области.

Предмет исследования — языковые особенности в фонетической, морфологической и лексической системах волгоградских говоров, являющиеся наследием древнерусского языка.

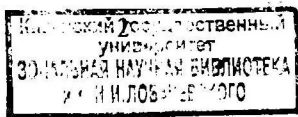
Под «древнерусским языком» мы понимаем язык, функционировавший на территории Руси с XI по XIV в. Соответственно «древнерусское наследие в современных волгоградских говорах» — это фонетические, морфологические и лексические особенности древнерусского языка, которые не сохранились в современном русском литературном языке и в то же время являются устойчивыми в современных волгоградских диалектах.

В основу работы положена следующая научная гипотеза: волгоградские диалекты как говоры территории позднего заселения, рассматриваемые с точки зрения истории языка и в сопоставлении с другими славянскими языками, а также русскими говорами других регионов, включают в себя большое количество устойчивых, сохранившихся с древнерусской эпохи фонетических, морфологических, лексических черт.

Таким образом, **цель** исследования — комплексное описание языковой системы волгоградских диалектов в диахроническом аспекте, определение устойчивых диалектных фонетических, морфологических, лексических элементов, сохранившихся с древнерусской эпохи и по-разному проявляющих себя в донских и волжских говорах Волгоградской области.

Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) выделить в системе волгоградских диалектов фонетические, морфологические и лексические особенности, отличные от русского литературного языка, которые функционировали в древнерусском языке;

2) сопоставить полученные данные с фактами современного русского литературного языка, рассмотреть диалектные фонетические и морфологические черты в сравнении с соответствующими единицами в славянских языках и в русских говорах раннего формирования, установить связи говоров Волгоградской области как переселенческих с другими диалектами;

3) рассмотреть причины возникновения отдельных фонетических, морфологических черт в исследуемых говорах;

4) выявить трансформации семантической структуры лексики, зафиксированной как в древнерусском языке, так и в современных донских диалектах Волгоградской области.

Методологической базой исследования является принцип историзма, заключающийся в рассмотрении становления и развития существенных явлений (в нашем случае диалектных) в связи с конкретными историческими условиями.

Теоретическую основу исследования представляют работы по русской диалектологии, а также работы, посвященные специфике говоров Волгоградской области (Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, Л. И. Баранникова, Л. Л. Касаткин, Л. М. Орлов, Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина и др.), по исторической грамматике восточнославянских языков (А. А. Шахматов, А. Мейе, Ф. П. Филин, Н. А. Кондрашов, В. И. Борковский, К. В. Горшкова и др.), лексикологии и семантике (А. Д. Апресян, И. А. Стернин, О. Н. Трубачев, Н. Ф. Алефиренко, Е. М. Маркова и др.).

Основными **методами** исследования являются: 1) описательный, который предполагает приемы наблюдения, анализа, интерпретации и классификации исследуемого материала; 2) приемы диалектографии (сбор, обработка и лингвистическая интерпретация диалектного материала с опорой на исследовательскую интуицию); 3) сравнительно-исторический метод, используемый при изучении родственных языков «для восстановления картины исторического прошлого этих языков в целях раскрытия закономерностей их развития, начиная от языка-основы» (Вопросы методики... , 1956); 4) историко-сравнительный метод, включающий установление внутриязыковых причин наблюдаемых фонетических и морфологических изменений; 5) метод сплошной выборки; 6) элементы методики компонентного анализа (сопоставление словарных дефиниций, вычленение интегральных и дифференциальных сем), при помощи которой устанавливались общие семантические компоненты между лексическими единица-

ми; 7) прием количественных подсчетов, позволяющий уточнить соотношение разных типов лексических трансформаций. В работе использовался также дедуктивный подход при анализе языковых единиц, когда от общих положений автор исследования идет к фактам отдельных языков.

Источниками материала являются:

1. «Словарь донских говоров Волгоградской области» (Волгоград, 2006—2007), «Большой толковый словарь донского казачества» (М., 2003), «Словарь русских народных говоров» (М.—Л., 1965—2007), «Словарь русского языка XI—XVII веков» (М., 1975—1997), «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского (М., 2003), «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (М., 1994).

2. Материалы полевых записей автора в диалектологической экспедиции в Новониколаевский район Волгоградской области (2007 г.).

Материалом для анализа послужили данные по фонетике и морфологии волгоградских диалектов, а также авторская карта-тека, включающая 670 единиц лексики донских говоров Волгоградской области, извлеченных методом сплошной выборки из Словаря донских говоров Волгоградской области — буквы «К», «П», (Волгоград, 2007).

Научная новизна данного исследования состоит в том, что в нем впервые характерные, отличные от литературных фонетические, морфологические и лексические черты переселенческих волгоградских говоров рассматриваются в диахроническом аспекте: анализ языковых явлений проводится с точки зрения возникновения и развития русского языка во всех его проявлениях, а также его взаимодействия с другими языками и русскими говорами раннего формирования.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в разработку вопросов, касающихся истории русского языка в целом и исторической диалектологии, в частности. Подобный анализ позволяет охарактеризовать говоры территорий позднего заселения в сопоставлении с древнерусским языком, со славянскими языками, с другими русскими говорами, т.е. максимально полно описать переселенческие говоры.

Практическая ценность диссертации состоит в возможности использования результатов работы в практике преподавания рус-

ской диалектологии, исторической грамматики русского языка, при чтении спецкурсов по исторической диалектологии русского языка, при составлении диалектных словарей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Говоры Волгоградской области как диалекты русского языка включают в свою систему фонетические, морфологические и лексические особенности, которые отличаются от русского литературного языка и являются наследием древнерусского языка. Эти черты по-разному проявляются в переселенческих донских и волжских говорах Волгоградской области, что связано с историей их формирования и развития.

2. На фонетическом уровне древнерусское наследие проявляется в основном в волжских, собственно переселенческих говорах Волгоградской области, формировавшихся с XVIII в. Большая часть древних диалектных явлений была образована в XI—XII вв. Здесь наличествуют древнерусские особенности, сохранившиеся как в южнорусских, так и в севернорусских диалектах раннего формирования.

3. Древнерусское наследие в области морфологии является более устойчивым и обнаруживается как в донских, ранних переселенческих, так и в волжских, собственно переселенческих диалектах.

4. В донской диалектной лексике, несмотря на подвижность и открытость её системы, обнаруживается значительное количество утраченных литературным языком единиц, сохранивших в исследуемых говорах или трансформировавших лексико-семантическую структуру древнерусских лексем. Исторические процессы, произошедшие в диалектной лексике, находятся в зависимости от лингвистических и экстралингвистических факторов.

Апробация работы. Основные положения исследования были изложены в докладах на Международной научной конференции «Язык и общество в синхронии и диахронии», посвященной 90-летию со дня рождения проф. Л. И. Баранниковой (Саратов, нояб. 2005 г.); Второй Международной научной конференции «Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов» (Волгоград, апр. 2007 г.); III Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий» (Воронеж, окт. 2005 г.); VIII региональной конференции молодых исследователей Волгоградской области (2003 г.); межвузовской научной конференции «Кирил-

ло-Мефодиевские традиции на Нижней Волге» (Волгоград, 2004 г.); на студенческих научных конференциях Волгоградского государственного педагогического университета (2003—2005 гг.). Результаты исследования нашли отражение в 7 публикациях — 6 статьях и 1 тезисе общим объемом 1,7 п. л.

Структура работы определяется поставленной целью и задачами, характером исследуемого материала. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемой литературы, списка словарей, списка населенных пунктов, в которых проводился сбор информации, и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, определяются объект и предмет, формулируются цель и задачи исследования, раскрываются его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, характеризуется материал исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Древнерусские фонетические особенности в современных говорах Волгоградской области»** представлена общая характеристика говоров Волгоградской области, определяются основные отличия донских и волжских говоров, социально и территориально ограниченных диалектов, рассматриваются конкретные фонетические явления современных говоров Волгоградской области, сохранившиеся из древнерусской эпохи.

Волгоградская область относится к территории позднего заселения, где бытуют переселенческие говоры разного типа: ранние переселенческие и собственно переселенческие, по классификации Л. И. Баранниковой (1975). К первым относятся южнорусские донские казацкие говоры, сформировавшиеся в XVI—XVII вв. и занимающие западную половину области, ко вторым — волжские, весьма пестрые, неоднородные, располагающиеся в восточной половине области, которые начали формироваться с середины XVIII в. и среди которых находим среднерусские, южнорусские, севернорусские, а также говоры, совмещающие в своей системе южнорусские и украинские речевые элементы (Орлов 1984; Кудряшова 1997). Среди говоров Волгоградской области есть территориально изолированные и социально изолированные диалекты.

Территориально изолированные, островные, говоры характеризуются обособленным существованием и развитием в силу специфики их географического положения, и судьба их может быть различна: одни сохраняют свои архаические особенности, другие претерпевают некоторые изменения, третьи подвергаются интенсивной модернизации. К территориально изолированным среди волжских говоров Волгоградской области относятся южнорусские мещерские цокающие говоры, которые находим в двух крупных селах: Перещепное Котовского района и Краишево Еланского района.

Социально изолированными являются говоры, которые характеризуются обособленным существованием и развитием не в силу специфики их географического положения, а в связи с особым социальным положением, сложившимся исторически. В отличие от территориально изолированных говоров, социально изолированные могут соседствовать и с говорами, имеющими сходные с ними черты, и с говорами, отличающимися от них по своим особенностям. Но они обладают особой спецификой в сравнении с островными говорами другого типа. К говорам социально изолированного типа относятся донские казачьи говоры Волгоградской области (Кудряшова 1998).

В системе вокализма и консонантизма говоров Волгоградской области мы выделили 11 основных особенностей, которые отличаются от современного русского литературного языка и являются наследием древнерусской эпохи.

Оканье — неразличение гласных неверхнего подъема в безударных слогах, где они могут реализовываться в различных гласных звуках, качество которых зависит от позиционных условий; присущее погроменско-елшанской группе волжских говоров Волгоградской области; является прямым наследием древнерусского языка.

Протетический гласный звук перед стечением согласных — возник после падения редуцированных в древнерусском языке. Таким образом, произношение слов *аржаной, альняной (ильняной)* в донских и аксайских диалектах, а также *ишел, ишла* в аксайских говорах является наследием древнерусской эпохи. Восточноукраинские говоры привнесли черту в речь жителей целого ряда волжских населенных пунктов (аксаянская группа говоров). Донские говоры получили это явление в наследство от южнорусских материнских говоров.

Ударный звук [e] на месте литературного [o] — произносится жителями села Мокрая Ольховка Котовского района Волгоградской области. Это явление, характерное также для древнерусского языка, пришло в диалект посредством материнского тамбовского говора.

Билабиальный звук [w] — был присущ древнерусскому языку. После падения редуцированных гласных губно-губной фрикативный стал произноситься как неслоговой [ɥ]. Древние рефлексy билабиального звука отмечаем и в современных волгоградских диалектах. Звук [w] в аксайских, ольховских, терсинских и отдельных заволжских (николаевских и отчасти палласовских) говорах, скорее всего, появился под влиянием украинских диалектов, которые участвовали в формировании вышеназванных говоров. Неслоговой [ɥ] в перещепновско-краишевской группе волжских говоров возник благодаря материнскому мещерскому говору.

Долгие шипящие звуки — характерны для системы консонантизма современных говоров Волгоградской области, возникли в ряде диалектов еще в древнерусскую эпоху. Это произношение твердых долгих шипящих, а также древнерусского [ш'т'ш'] в южных чирских и севернохоперских говорах с потерей конечного фрикативного элемента лишь в единичных употреблениях: *шти*, *ишто*.

Фрикативный звук [ɣ] — характерен для большинства говоров Волгоградской области, появился в ряде древнерусских диалектов приблизительно в XI — первой половине XII в. Затем фрикативный [ɣ] или фарингальный [h] фиксируется в южновеликорусских диалектах, в белорусском и украинском языках. Произношение фрикативного звука: ([yóрат], [Валyауrát]) — во многих волгоградских диалектах не случайно, т. к. большинство изучаемых нами говоров относится к южному наречию, одним из главных признаков которого является звук [ɣ] на месте литературного [г], а для говоров, основу которых составляют севернорусские черты, характерен взрывной [г].

Ассимилятивное смягчение звука [к] — произошло еще в древнерусском языке (в части его говоров) после падения редуцированных. Произношение типа *Ванькя*, *Манькя* фиксируется в южновеликорусских говорах и в ряде средневеликорусских и северновеликорусских (новгородских, вологодских, кировских, ярославских, владимирских и некоторых других), а также в пересе-

ленческих волгоградских говорах (донских и некоторых волжских).

Неразличение аффрикат [ц] и [ч] — иначе «цоканье», характерное для перещепновско-краишевского говора Волгоградской области, возникло в материнском мешерском диалекте в XI—XII вв. под влиянием финно-угорских языков.

Мягкие свистящие [з'] и [с'] с шипящим призвуком — возникли в перещепновско-краишевском и среднеахтубинском говорах Волгоградской области в материнских диалектах под влиянием финно-угорских языков еще в древнерусскую эпоху.

Отверждение губных согласных на конце слова — диалектное явление, возникшее, вероятно, в XIV в., обнаруживается в аксайских (волжских) говорах. В диалект Волгоградской области особенность пришла через украинские говоры, которые, в свою очередь, получили ее в наследство от древнерусского языка.

Сдвоенные переднеязычные согласные на месте переднеязычного согласного с j — характерны для аксайской группы говоров Волгоградской области, совмещающей в себе черты южнорусских и восточнукраинских диалектов. Это явление, возникшее в древнерусском языке после падения редуцированных, пришло в волжский диалект из украинского языка.

Из всех рассмотренных явлений можно выделить три, которые были характерны для всех говоров древнерусского языка (оканье, произношение звука [e] на месте ударного литературного [o] после мягкого согласного перед твердым, произношение билабиального звука [w]). Остальные особенности были характерны не для всей системы древнерусского языка, а лишь для части его говоров. Заметим, что большая часть древних диалектных явлений была сформирована в XI—XII вв. в результате либо падения редуцированных, либо финно-угорского влияния, либо других факторов; остальные особенности были приобретены языком в XIII—XIV вв.

Обратим внимание, что все рассмотренные нами фонетические процессы произошли в древнерусскую эпоху и нашли отражение в диалектах Волгоградской области через материнские говоры, преимущественно южнорусские. Однако часть появилась благодаря речи малороссов, заселивших территорию Волгоградской области в первой половине XVIII в. Стоит отметить, что фонетические особенности, являющиеся непосредственно древнерусским наследием, зафиксированы, в основном, именно в

волжских говорах Волгоградской области, сформировавшихся не ранее XVIII в. Можно сделать вывод, что эти явления настолько органично вплетены в языковую систему русского языка, что, несмотря на то, что на протяжении многих веков диалекты развивались под воздействием литературного языка, смешивались друг с другом, эти древнерусские особенности являются устойчивыми в современных диалектах.

Вторая глава «**Древнерусские морфологические особенности в современных говорах Волгоградской области**» посвящена анализу морфологического уровня системы исследуемых диалектов в диахроническом аспекте.

Морфологический уровень системы волгоградских говоров был сформирован еще в древнерусскую эпоху. В этот период были заложены основы грамматических форм именных частей речи и глагола.

Имя существительное. Диалектные окончания имен существительных в единственном и множественном числах были сформированы в эпоху развития древнерусского языка и объяснимы влиянием форм собирательных существительных (*волосья, атаманья* — И.п. мн.ч), древнего двойственного числа (*плуга́, обруча́, деревня́, куча́, зеленя́, степя́* — И.п. мн.ч), взаимодействием существительных различных праславянских основ в результате перегруппировки древних типов склонения, влиянием форм одного падежа на другой (*по путях, по полях, по детях* — Д.п. мн.ч).

Под влиянием праславянских существительных *jā-основ (мягкого варианта) на существительные *ā-основ (твердый вариант) были сформированы окончания диалектных форм существительных первого склонения (*у жене, после войне* — Р.п.; *пошел к сестры, об избы, на земли* — Д.п. и П.п.). Диалектные формы творительного падежа единственного числа (*з грязей, пёчей, двéрей*) объяснимы влиянием существительных *ā-основ на имена современного третьего склонения, т.е. можно сказать, что в говоре произошла частичная унификация форм женского рода. Разносклоняемые существительные в волгоградских диалектах представлены в формах без наращения -ен-: И. п. — *вымя*, Р. п. — *вымя*, Д. п. — *вымю*, В. п. — *вымя*, Т. п. — *вымем*, П. п. — *выме*. Эти слова в процессе унификации типов склонения перешли в говорах в разряд существительных второго склонения по родовому признаку.

Имя прилагательное. На территории Волгоградской области можно обнаружить остатки древнерусских форм кратких прилагательных мужского рода в именительном падеже множественного числа (*богати, виновати, ради, сыти*). Кроме того, в древнерусский период были сформированы другие характерные для диалекта явления, и объясняются они влиянием форм одного падежа на другой (*в худым, в большиим, в передовым* — П.п. ед. ч. м. р.), а также стяжением окончаний (*бѣла гліна, красну лѣнту*).

Местоимение. Древнерусским наследием в волгоградских говорах являются личные и возвратные формы диалектных местоимений типа *мине, тебе, себе, мя, ты* (родительный и винительный падежи), *табе, сабе* (дательный и предложный падежи). Диалектные формы указательных местоимений *энтот, энта, энти, той, тая, таё* были сформированы в древнерусский период. Влиянием форм одного падежа на другой объяснимы диалектные окончания притяжательных местоимений (*в моим, твоим, своим, в моёй, твоёй, своёй*), стяжением на стыке морфем — наличие формы (*маво, тваво, сваво, маму, тваму, сваму*).

Глагол. Диалектные формы инфинитива не являются прямым древнерусским наследием, но были сформированы по законам, по которым развивался в целом русский язык. Однако в окающих говорах Поволжья до настоящего времени отмечаются древнерусские формы инфинитива на *-чи* (с ударным и безударным *-и*): *пѣчи, стерѣчи*. О древнерусском наследии в волгоградских говорах свидетельствуют прежде всего личные формы глаголов 3-го лица с мягким конечным [т']: *несѣть, ходить, носятъ, ходють*. Возвратные постфиксы глаголов *ся, си*, которые исторически являются энклитическими формами возвратного местоимения *себя* в винительном и дательном падежах, являются наследием древнерусского языка.

Таким образом, древнерусское наследие в области морфологии является устойчивым и обнаруживается как в донских, ранних переселенческих говорах, так и в волжских, собственно переселенческих диалектах.

В третьей главе «Древнерусские лексические особенности в системе донских говоров Волгоградской области» рассматриваются тенденции развития семантической структуры слова от древнерусского языка до современного донского диалекта.

В качестве объекта анализа в диахроническом аспекте в третьей главе избрана лексика казаков, проживающих на террито-

рии Волгоградской области. Донская лексика представляет собой целостную систему, которая характеризуется общими чертами на значительной территории (западная половина волгоградского региона), поскольку говоры социально изолированные. Казачья лексика исследована, собрана картотека, вышли в свет четыре тома «Словаря донских говоров Волгоградской области».

В свою очередь, лексика волжских говоров не представляет единства. Каждый поволжский пункт, заселенный не ранее XVIII в., характеризуется своеобразием лексики. Кроме того, на волжской территории возможно смешение лексических черт разных говоров в результате взаимодействия соседних диалектов. Рассматривать лексику в диахроническом аспекте в волжских говорах возможно только в каждом конкретном населенном пункте и конкретном говоре.

Нами выявлены случаи утраты древнерусских лексем в современном русском литературном языке и случаи их сохранности на языковой периферии среди диалектной лексики. Проведен сравнительный анализ семантической структуры древнерусских лексем в донских говорах Волгоградской области с семантикой исконных слов и их коррелятов в современном литературном русском языке.

Социально санкционированная качественная перестройка современных народных говоров проявляется, с одной стороны, в перемещении части древнерусских лексем в пассивный лексический запас и, с другой стороны, в активной интеграции в структуру говоров современных литературных значений древнерусских лексем. Характер преобразования семантической структуры древнерусской лексики в процессе исторического развития может быть различным. По нашим наблюдениям, в лексике современных донских говоров можно отметить те же тенденции, процессы, что и в лексике русского литературного языка.

1. Тенденция к устойчивости семантической структуры древнерусского слова, которая заключается в сохранении исконного значения лексемы в современных донских говорах. Мы обнаружили два варианта устойчивости:

а) Древнерусское слово с его семантической структурой сохраняется в говорах, но утрачено в литературном языке.

Сюда мы относим лексемы донского диалекта, семантическая структура которых совпадает с древнерусской. Данный класс слов

учеными часто признается самым малочисленным в русском литературном языке (Никифорова 2005). То же самое мы наблюдаем в донских говорах. Нашей исследовательской задачей была попытка увидеть прямую зависимость сохранности исконного уровня лексического пласта от социальной изолированности коллектива — носителя диалекта.

Приведем некоторые примеры. Слово **корьё** в донских говорах вербализует значение ‘измельченная дубовая кора, используемая при дублении кожи’ (*Карьём засыпаим — эта кара, как апилки, штоп кожу румянить* (Н. Чир.) (СДГВО—III). Такое же определение можно обнаружить и в «Словаре русского языка XI—XVII веков» (‘кора, приготовленная для дубления кожи’ (ДРЯ—VII), и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (‘дубильная кора, для выдѣлки кожъ: дубовая, ивовая, разныхъ видовъ, шелюги и пр.’ (Даль—II). Лексема **корьё** в донском диалекте общеизвестна, сохранена с древнерусского периода и актуальна.

Древнерусским наследием также является слово **косовица**, определяемое в «Словаре русского языка XI—XVII веков» как ‘место покоса’ (ДРЯ—VII). Идентичную дефиницию видим и в словаре В. И. Даля: ‘покось, сѣнокось; лугъ, пажить; время, пора косьбы’ (Даль—II). Донские говоры сохраняют лексему **косовица** в исходном значении ‘место косьбы’ (СДГВО—III). Кроме того, рукоятку косы донские казаки называют тем же словом, что и древнерусские косари, — **косьём** (*Касьё — эта сама палка, ручка, а каса — эта лезвия* (Пгч.). *Касу за касьё бяруть* (У-Хоп.). *Касьё новую зделал. Касьём патишы махай. Касья ни аднаво нету, нада искать. Касьё лопнула, а другую пирламил хтой-т* (Масл.). *Касьё — это чирянок кассы* (Зем.)) (СДГВО—III). Таким образом, экстралингвистическая необходимость и актуальность употребления лексем **косовица** и **косьё** в лингвокультуре донских казаков являются причиной их семантической сохранности.

В древнерусскую эпоху **колодезником** называли того, ‘кто копает колодцы или занимается их починкой’ (ДРЯ—VII), или, как пишет В. И. Даль, **колодезник** — это ‘промышляющий рытьемъ колодцевъ’ (Даль—II). В наши дни это слово в исконном значении ‘мастер по рытью колодцев’ можно услышать в речи донских казаков (*Калодизъник сярѣва яму роить, а патом туды струп спускаить* (Нех.). *Калодизник придѣтъ, начнѣтъ капать* (Прк.). *Калодизник — он делаить срубъ для калотцыф и капать их* (Орл.).)

(СДГВО—III). Вполне очевидно, почему для среднего носителя общенародной русской речи данная лексема понятна, но не актуальна.

Слово **паголёнок** современному русскому литературному языку неизвестно. Однако оно существует уже долгие века. В древнерусском языке, по данным словаря, **паголенком** называли 'чулок без носка, облегающий голень до щиколоток' (ДРЯ—XIV). Лексему фиксирует и В.И. Даль, определяя **паголенок** как 'голенище чулка, часть, обнимающая голень; чулки, у коих носки отрезаны, или безъ носковъ сшитые; штанинка, колоша' (Даль—III). Слово **паголёнок** в значении 'верхняя часть чулка, носка' известно и современному казачьему диалекту, причем не только в исконной форме, но и в грамматическом варианте **паглинка** (*Я уже паглинки связала, дальшы пашла* (Зем.). *Чулки фсяда вязала с высокими паглинками...* (Бкн.). *Паттяни паглинку-та* (Зимн.). *Пагалёнки — эта када наски износиш, а эти-та аставаюцца* (Н.Ябл.). *Пагалёнки, шулки бяз лап* (К-яр.)) (СДГВО—IV). Так же, как и в древнерусском языке, слово означает 'верхнюю часть чулка, носка'. Живое функционирование диалектизма **пагалёнок**, с обнажённой внутренней формой, свидетельствует о том, что диалектная лексика отличается особой явственностью этимологического импульса, что ещё больше способствует усилению её экспрессивно-стилистической окрашенности (Коготкова 1979).

Лексема **перебродить** является ярким примером древнерусского реликта в современных донских говорах Волгоградской области. Слово имеет значение 'переходить вброд' как в казачьем диалекте (*Пирибрадили чириз речку, а за речкай были ливады, агародаф у двара ти было* (Н-цар.)) (СДГВО—IV), так и в древнерусском языке (ДРЯ—XIV; Даль—III). Стоит отметить, что в современном литературном языке слово приобрело совершенно иной смысл: **перебродить**¹ (*прост.* 'бродя, побывать во многих местах'); **перебродить**²: 1) 'стать крепким, готовым к употреблению после брожения' (*Вино перебродило.*) // 'перен. разг. достигнуть душевного равновесия после бурной, беспокойной жизни' (*Впечатление такое, как будто эти три тома сочинялись не одним, а семью авторами — признак, что Вы молоды и не перебродили* (Чехов. Письмо А. М. Пешкову, 2 янв. 1900); 2) 'пробыть в состоянии брожения слишком долго, больше, чем нужно' (*Тесто перебродило. Мед перебродил.*) (МАС—III).

Рассмотренные лексемы, функционирующие в донских говорах и склонные к устойчивости исконного значения, являются в большинстве своём существительными, номинирующими очень конкретные предметы этнического быта, животных, птиц, деревья, растения, особенно те, которые имеют определенное хозяйственное назначение или вообще не являются частотными, не вызывают ассоциаций, благодаря которым лексема могла бы развить дополнительные новые или переносные значения (Никифорова 2005). Такие слова Д. Н. Шмелёв называл «денотативными», отмечая, что они противопоставляются другим не по определенным дифференциальным признакам, а как бы совокупностью интегральных признаков. У таких лексем импликационал беден, они практически не имеют потенциальных сем в своей семантической структуре и «максимально предметны».

б) Диалектное слово семантически тождественно древнерусскому и отличается от современного литературного по звуковому и/или морфемному составу.

Развитие лексической системы донских говоров происходит в борьбе противоборствующих тенденций: с одной стороны, динамики формы слова (ведь диалект — это живая устная речь, а потому мы встречаем фонематические, грамматические и морфемные варианты лексем), а с другой — устойчивости и сохранности исконного значения. Обычно в разряд диалектизмов, сохранивших древнерусскую семантическую структуру, попадают лексемы «с четким контенсионалом, богатым интенсиналом и бедным импликационалом, практическим отсутствием потенциальных сем, которые могли бы актуализироваться и сформировать переносные значения лексемы, новые лексико-семантические варианты» (Там же). Например, большинство лексем, обозначающих в древнерусском языке животных и птиц, сохраняют свое исконное значение как основное. В донских говорах функционирует лексема **курá** 'домашняя птица курица': *У мене пёстрая кура чаво-та прибалела* (Серг.). *Хто ш так куру щиплит? Гляди, сколько пинькоф асталась!* (Медв.) (СДГВО—III), которая совпадает с лексемой древнерусского языка **кúра** 'курица' (ДРЯ—VIII). В современном литературном русском языке для номинации этой домашней птицы используется отличная по морфемному составу лексема **курица**. Словарь В. И. Даля фиксирует: **Кúра, курица**,

самка кура, пѣтуха; самка тетерева и др. птицъ куриного рода (Даль—II). Интересно, что морфемный вариант **курка** обнаруживается и в современном диалекте, и в древнерусской лексике с одинаковыми сохраненными предметными значениями, а в словаре В. И. Даля он представлен с пометой «уменьшительное».

Слово **колпъ** в донских говорах означает 'птица семейства ибисовых, колпица' (*Колпи па-над вадой живутъ* (Н—Крм.). *Колпъ — птица в балоти живётъ и арётъ, как выпъ, бунить как бугай* (Орл.)) (СДГВО—III). Отметим, что лексема **колпъ** в значении 'колпица' зарегистрирована как в «Толковом словаре живого великорусского языка, так и в Словаре русского языка XI — XVII веков» (Даль—II; ДРЯ—VII).

История древнерусского слова **колоколѣцъ** 'небольшой колокол, колокольчик' (ДРЯ—VII), которое в донских говорах сохранило и формальный облик, и значение 'колокольчик' (СДГВО — III), сложилась так же: в современной русской общепотребительной лексике существует другой морфемный облик слова — **колокольчик**.

Лексемы, номинирующие церковно-ритуальные действия, как показывает анализ древнерусского материала, также сохраняют семантику на протяжении веков. Например, глагол **кстити** зарегистрирован в словаре в единственном значении 'крестить' (ДРЯ—VIII). Такое же, исконное, значение слова регистрируется в словаре В.И. Даля: 'крестить, окрещать, во всѣхъ знач.' (Даль—II), современная литературная форма глагола изменена, но вполне узнаваема, тогда как в донских говорах и форма, и значения не тронуты (СДГВО —III).

Значение диалектного наречия **пѣрво** понятно и носителю литературного языка: 'сперва, сначала' (*Ты пѣрво хлѣп купи, а потомъ фѣе асталънои* (Н.Ябл.) *Ани перва жыфками кармили* (Кот.)). Именно этот фонетический вариант мы можем встретить в «Словаре русского языка XI—XVII веков»: **перво** — 1) 'в первый раз, впервые'; 2) 'с самого начала'; 3) 'раньше, прежде; сначала, сперва'; 4) 'во-первых' (ДРЯ—XIV). Поскольку все эти значения достаточно близки, донское **перво**, на наш взгляд, можно отнести к разряду слов, сохранивших свою семантику с древнерусской эпохи.

В нашей картотеке насчитывается 172 случая сохранения семантической структуры древнерусских лексем, функционирую-

щих в донских говорах. Таким образом, при рассмотрении семантических трансформаций в масштабе общенационального языка, с его диалектами, во всем его функционально-стилистическом многообразии, обнаруживается, что в языке значительное место занимает устойчивость значений, общность семантики. В диалектах, живой разговорной стихии, обнаруживается то, что утрачено в литературной речи. Диалекты сохраняют лексико-семантические «отпечатки» более ранних этапов развития литературного языка.

2. Тенденция к частичному сохранению древнерусской семантической структуры. Исторический выбор сохраняемых сем происходит по двум принципам:

а) Изменяется количественный состав значений в сторону увеличения или уменьшения.

К данной группе относятся лексемы, у которых в процессе исторического развития, а затем функционирования в устной речи донских говоров увеличивается или уменьшается количество реализуемых значений. Их увеличение чаще всего связано с процессами метафоризации и метонимизации одного или нескольких исконных значений.

К примеру, в «Словаре русского языка XI—XVII веков» слово **кома́га** определяется как 1) ‘выдолбленная из бревна лодка’; 2) ‘выдолбленное в виде корыта бревно для хранения воды’ (ДРЯ—VII). В словаре В. И. Даля мы встречаем уже более объемную семантическую структуру: ‘обрубисто и топорно выдолбленное корытомъ бревно; кряжъ, служащій лодкою; челнъ, долбушка, или пара ихъ, связкою, подъ поромъ; долбушка вмѣсто яслей, для корма скота мелкимъ и паренымъ кормомъ, также для водопоя; колода’ (Даль—II). Однако общая сема в разнообразии указанных древнерусских значений — ‘выдолбленный из бревна’. С течением времени она утрачивается, и в донских говорах лексема **кома́га** реализуется уже как 1) ‘баржа, используемая в качестве парома или как часть понтонного моста’ (*Камягай пириправляютъ падводы, а можна зделать мост с камах. Мы на Дану их дваццѣть две ставили и крепили* (Пятзб.); 2) ‘больших размеров лодка, сделанная из досок’; 3) ‘длинное корыто, служащее поилкой для копей’ (*Камяга — паилка для каней, карыта длинная* (Чиг.)) (СДГВО—III) (см. табл. 1).

Таблица 1

Компонентный анализ слова «комяга»

Семантический признак	Древнерусская лексема		Диалектная лексема		
	<i>Комяга</i> ¹ 'выдолб- ленная из бревна лодка'	<i>Комяга</i> ² 'выдолб- ленное в виде корыта бревно для хранения воды'	<i>Комяга</i> ¹ 'баржа, исполь- зуемая в качестве парома или как часть понтонного моста'	<i>Комяга</i> ² 'больших размеров лодка, сделанная из досок'	<i>Комяга</i> ² 'длинное корыто, служащее поилкой для коней'
Предмет	+	+	+	+	+
Выдолбленный	+	+	—	—	—
Деревянный	+	+	—	+	—
Для кормления животных	—	—	—	—	+
Для передвижения по воде	+	—	+	+	—
Для хранения вещества	—	+	—	—	—

В диалектной лексике определяющим признаком становится не способ производства предметов, которые обозначаются лексемой *комяга*, а их функциональная отнесенность.

Слово *копна́* в древнерусском языке имело то же значение, что и в современном русском литературном языке: 'куча сена или снопов, сложенных в виде конуса' ([Девки и бабки] *сушат сено, сгребают в копны и накладывают возы* (Соколов-Микитов. Детство) (ДРЯ—VII; МАС—II). В донском диалекте наряду с сохранившимся значением бытует иное — 'полная женщина' (*Вон капна пашла* (Чрк.) (СДГВО—III). Таким образом, мы видим, что в процессе развития языка слово *копна́* в диалекте приобрело дополнительное метафорическое значение (произошёл перенос значения с одного объекта номинации на другой по сходству формы). Оба значения (и современное литературное, и диалектное пере-

носное) отражены в словаре В. И. Даля — ‘ворохъ сѣна, соломы, или хлѣба въ снопахъ. *Идетъ баба, копна копнищей!*’ (Даль—II). Диалектная лексема *копна* свидетельствует о том, что диалектизмы нередко включают в свою семантическую структуру большое количество эмоциональных коннотаций, в данном случае это ирония или насмешка.

В древнерусском языке слово *перевозня* имело только одно значение ‘большая лодка с помостом для переправы’ (ДРЯ—XIV). Это же значение встречаем и в словаре В. И. Даля: ‘большая лодка съ помостомъ, для перевоза, переправы’ (Даль—III). Стоит отметить, что в Волгоградской области на территории бывшего Войска Донского и в наше время можно услышать слово *перевозня*, однако этим словом казаки и казачки называют не только ‘лодку для перевоза людей через реку’, но и ‘место перевоза, переправы через реку’ (*Ишо да пиривозни дабрацца нада* (У-Бзл.)) (СДГВО—IV). Можно сделать вывод, что лексема *перевозня* в диалекте увеличила число своих значений за счет метонимического переноса.

Зафиксированы в речи носителей донского диалекта также лексемы, эволюционирующие в противоположном направлении: уменьшается количество их лексико-семантических вариантов.

Лексема *кленина* в «Словаре русского языка XI—XVII веков» зарегистрирована в трех значениях: 1) ‘дерево клен’; 2) ‘брус, бревно, ствол срубленного клена’; 3) ‘кленовая древесина’ (ДРЯ—VII). В современном диалекте у слова сохраняются лишь два значения: ‘один клен, одно кленовое дерево’ (*Клишина пирид домам растётъ*) (Прлз.) // ‘ствол, бревно одного кленового дерева’ (*Кляшина — брявно ат клёна, атсяки клянину* (Орл.)) (СДГВО—III). Заметим, что в диалекте сохраняются древнерусские значения с общей семой ‘один объект из ряда схожих’ (‘одно дерево’, ‘ствол, бревно одного дерева’), на что, кстати, косвенно указывает суффикс -ин- (например, *брючина, штанина*), и исчезает дефиниция ‘кленовая древесина’, в которой отсутствует сема ‘единственности объекта номинации’.

В современном диалекте слово *кбчет* имеет два омонимичных значения: 1) ‘самец курицы, петух’ (*Кочит — пяхух па-культур-наму* (Чрк.). *Питуха у нас кочитам завуть* (Ман.). *Запел кочит* (Н-ан.). *У нас ва дваре пирипилесьый кочит* (Прлз.). *Мой коцит щёрнай* (Н. Ябл.). *Качатоф асяню парубим. У нас кочит быявой, кур дирётъ, я те дам. Качатья разарались* (Масл.)); 2) ‘прикрепленный к борту лодки деревянный колышек, на который надева-

ется весло' (*Бабайки жэстю абиты, качита прочныи* (Кмж.)) (СДГВО—III). Оба диалектных значения известны еще с древнерусской эпохи, однако в древнерусском языке была еще одна дефиниция слова **кочет**, которая со временем была языком утрачена: 1) 'петух'; 2) 'уключина в виде прибитого кола с кожаной петлей'; 3) 'седалищная кость человека' (ДРЯ—VII).

В речи донских казаков можем обнаружить слова **паворбз** и **паворбзка**. Для носителей диалекта эти лексемы являются синонимами и имеют значение 'завязка, шнурок' (*Диржы-ка паварозы* (Пятзб.). *Павароски давай, будим мяшки затягать* (Н.Чир.)) (СДГВО—IV). В «Словаре русского языка XI—XVII веков» мы также встречаем **павороз** и **павороза**, являющиеся морфологическими вариантами одной лексемы. Однако число значений у этого слова в древнерусскую эпоху, по данным словаря, равно трем: 1) 'петля из ремня или тесьмы на рукоятке оружия, надеваемая на руку во время боя'; 2) 'петелька, дужка для прикрепления серег'; 3) 'мн. завязки (преимущ. о завязках женских головных уборов)' (ДРЯ—XIV). В «Толковом словаре живого великорусского языка» слова **павороз**, **паворозок** означают: 'задержка у мышка, кошеля, шнура; вздевка, затяжка, завязка, обора; очкур, очкура, гачник' (Даль—III). Таким образом, опираясь на лексикографические данные, можно сделать вывод, что **павороз** (или его варианты **павороза**, **паворозок**, **паворозка** — переход лексемы из мужского рода в женский и суффиксальные образования) — изначально древнерусское слово, которое с течением времени утратилось в общенародной лексике, но сохранилось в донском диалекте. Отметим, что в древности семантика слова имела иную структуру: основная сема 'петля' нанизывала на себя дифференциальные семы 'для оружия', 'для серег', 'для головного убора'. Видимо, к XIX в. сема 'петля' была вытеснена близкой семой 'завязка, шнурок'. Подтверждением тому могут служить как данные словаря В.И. Даля, так и речь нынешних донских казаков.

В материалах нашего исследования насчитывается 144 диалектизма, которые изменили количественный состав значения по сравнению с древнерусскими лексемами. Проведенный анализ показывает, что самыми распространенными способами увеличения количества лексико-семантических вариантов в донской диалектной речи являются метафорический перенос и наращивание дифференциальных оценочных сем в семантической структуре лексем. Количество значений уменьшается чаще всего до од-

ного конкретно-предметного. Таким образом, исследование данного типа семантических трансформаций древнерусских лексем в донской диалектной речи выявило следующие тенденции: использование слов либо с добавлением эмоциональных коннотаций, либо для указания на конкретные реалии.

б) *Периферийная сема выступает в качестве ядерной.*

В современных донских говорах функционируют лексемы, в которых первоначально второстепенное (переносное) значение со временем закрепились в качестве основного, а исконно прямое оказалось утраченным, стало периферийным.

Слово **колотье** в «Словаре русского языка XI—XVII веков» зарегистрировано в трех значениях: 1) ‘нанесение ран колющим оружием’; 2) ‘колка, рубка’; 3) ‘колющая боль; колики’ (ДРЯ—VII). В современном донском диалекте у лексемы **колотье** лишь одно значение, совпадающее с периферийным древнерусским: ‘резкая колющая боль в боку’ (*У мяня такая калатьё, итить ни магу. Фтарой день калатьё ни праходить* (Масл.). *Калотья — колики* (Н-а.)) (СДГВО—III). Нужно отметить, что значение, сохранившееся в диалектной речи, носит также образный, субъективно-ассоциативный характер, так как номинирует физиологические ощущения, которые сравниваются с действием рубки, раскалывания чего-либо.

Лексема **кузня** в донском диалекте означает ‘помещение для обработки металла ковкой; кузница’ (*Кавали на кузнях работали* (Ал.). *У деда свая кузня была* (Клет.). *Сасет наш ф кузни работать, он толька щас ис кузни пришол, можна сходить папрасить, штоп тваю жылыязку зделал* (Масл.). *Шынавали вручную ф кузни* (Ктв.)) (СДГВО—III). Так же определяет слово **кузня** и В. И. Даль: ‘заведение дляковкижельзныхъ вещей, мѣсто, гдѣ куютъ, ковальня’ (Даль—II). Однако, по данным Словаря русского языка XI—XVII вв., лексема **кузня** номинирует прежде всего: 1) ‘кованные изделия из благородных металлов’ и 2) ‘украшения вообще (шитая золотом и серебром ткань, ожерелья из жемчуга, стекла и др.)’. И лишь третьим пунктом дается значение, известное и донским говорам, ‘то же, что кузница’ (ДРЯ—VIII). Таким образом, в диалектной лексике основное значение древнерусской лексемы было вытеснено второстепенным.

В древнерусском языке слово **парень** имело два значения: 1) ‘юноша, парень’; 2) ‘мальчик’ (ДРЯ—XIV). В «Толковом словаре живого великорусского языка» об этой лексеме написано так:

‘óтрокъ, юноша, молодой человекъ, дѣтина, молодецъ; холостой’ (Даль—III). Отметим, что основное значение древнерусского слова сохранилось в современном русском литературном языке: 1) ‘лицо мужского пола, достигшее зрелости, но не состоящее в браке (первоначально молодой крестьянин); молодой человек, юноша’ (*Савка был парень лет 25, рослый, красивый, здоровый как кремень* (Чехов. Агафья)); 2) ‘(с оттенком фамильярности) нестарый мужчина вообще’ (— *Ведь Толстолобов — парень решительный: ему всякая штука в голову может прийти!* (Салтыков-Щедрин. Помпадуры и помпадурши)) (МАС—III). В донском же диалекте центральной стала второстепенная дефиниция ‘мальчик, ребёнок; подросток’ (*Гляди, паринь какой растёт* (Ал.). *У дочки паринь радился* (Н-др.)) (СДГВО—IV).

Как отмечал В.В. Колесов, стремление человеческого мышления к конкретизации приводит к дифференциации и расщеплению первоначально единого понятия, выделению различных его признаков (Колесов 2002). Однако в нашей картотеке диалектизмов насчитано сравнительно небольшое количество случаев реализации модели семантической трансформации, в которой второстепенное или переносное значение вытесняет основное или конкретно-предметное — 44.

3. Тенденция к деривации (заметные изменения семантической структуры при сохранении формального тождества слова) семантики древнерусских слов, в результате которой развиваются гиперогипонимические отношения и омонимия в истории языка.

Некоторые лексемы в современных донских говорах реализуют иное значение, не фигурировавшее в древнерусской лексике. Однако общая сема в значениях этих лексем говорит об эволюционировании семантической структуры (122 случая в картотеке).

Значение лексемы **курить** в современном русском литературном языке следующее: 1) ‘втягивать в себя через рот и выдыхать дым какого-либо вещества, преимущественно табака’ (*Куришь махорку. Куришь сигары.*) // ‘пользоваться для курения каким-либо прибором’ (*Куришь кальян.*); 2) ‘сжигать какое-либо вещество, дающее пахучий дым’ (*Я очень любил запах сосновой и еловой смолы, которою курили иногда в наших детских комнатах* (С. Аксаков. Детские годы Багрова-внука)); 3) ‘устар. Добывать посредством перегонки’ (*Куришь смолу.*)’ (МАС—II). Несмотря на то, что курить табак в России начали в конце XVI в., слово **курить** имеет более длинную историю. В «Словаре русского языка XI—

XVII веков» эта лексема имеет пять значений, и современная литературная дефиниция не является исходной: 1) 'раскладывать огонь, разжигать'; 2) 'топить, отапливать что-л.'; 3) 'окуривать чем-л.'; 4) 'курить (табак)'; 5) 'получать водку, вино, смолу и т.п. посредством перегонки' (ДРЯ—VIII). Донскому же диалекту присуще не характерное для древнерусской эпохи значение 'мести (о снеге, пыли), выюжить' (*На дворе апятъ курить, гичь ничё ни видна. Зимой на дваре курить. Вьюга курить. Када вьюга митётъ, гаварять: вьюга курить. Курить — када идётъ снех или митётъ пыль*) (СДГВО—III). Это позволяет увидеть, как в диалекте произошел метафорический перенос: клубы табачного дыма в сознании носителей говора когда-то стали ассоциироваться с клубами пыли, снега и т.д. Подтверждением этому служат материалы «Словаря живого великорусского языка» В.И. Даля: первое толкование, которое приводит исследователь, — это 'дымить, производить дымъ или смрадъ'; затем В. И. Даль дает остальные дефиниции, в том числе и ту, что мы обнаруживаем в казачьих говорах: 'курить чъмъ, сожигать что-либо для благовонія, для исцѣленія и пр.; дымить, чадить, напустить дыму; курить что: курить трубку, табакъ, вбирать въ ротъ дымъ табачный, изъ трубки, сигары; курить вино, водку, сидѣть, гнать, выдѣлывать, перегонять его черезъ кубъ; кутить, жить пыльно, дымно, мотать, гулять, пьянствовать безъ памяти; пить запоемъ; безлич. о зимней погодѣ: мести, выюжить, стоять метели, вьюгъ' (Даль—II). Таким же образом мы отнесем к этому разряду и лексему *курёво*, имеющую в диалекте два значения: 1) 'снежная метель, вьюга'; 2) 'клубящаяся пыль на дороге' (*Лишь курёво курилось...* (А. Серафимович. Степь и море)) (СДГВО—III). В «Словаре русского языка XI—XVII веков» также обнаруживаем эту лексему, но с другими дефинициями: 1) 'дым от пожара'; 2) 'то, что курится, дымится; то, что курят' (ДРЯ—VIII). Данный случай видится нам весьма интересной трансформацией значения древнерусской лексемы *курить*. Диалектные значения отстоят так далеко от исконных, что возникает шанс увидеть процесс гомогенной омонимии. Однако общая сема в структуре древнерусских значений и диалектного значения обнаруживается легко — 'клубы дыма или мелких частиц'.

Некоторые лексемы в современных донских говорах реализуют иное значение, во-первых, не бытовавшее в древнерусской лексике вообще, а во-вторых, не имевшее с исконным словом обшей семы или утратившее эту связь. При этом диалектная и

древнерусская лексемы соотносятся друг с другом как омонимы. В некоторых случаях слабо просматривающаяся общая сема в дефинициях этих лексем свидетельствует о сложном историческом процессе появления омонимов. С расхождениями в значениях слов (между говорами и литературным языком и между самими говорами) тесно связан вопрос о семантических границах слова, о различии между полисемией и омонимией. В настоящее время пока не существует какой-либо общей точки зрения на этот счет, поскольку признаки, по которым можно было бы выделять объективно существующие омонимы, остаются неясными. Очевидным является лишь одно: нельзя смешивать и считать за одно слово омонимы гетерогенные (слова одинакового звучания, но разного происхождения) (Филин, 1982). Что же касается слов одинакового происхождения, но с разошедшимися значениями, то ввиду спорности признаков гомогенной омонимии целесообразно рассматривать каждый случай индивидуально, учитывая сложность построения семантических структур. В нашей картотеке собраны примеры как гомогенной, так и гетерогенной омонимии диалектизмов и древнерусских лексем.

Например, в древнерусском языке лексема **кабак** реализовала следующие значения: 1) 'питейное заведение, кабак'; 2) 'селение, поселение' (ДРЯ—VII). В современной донской диалектной лексике лексема **кабак** имеет значение, омонимичное по отношению к обоим древнерусским значениям — 'тыква' (*Привязли з бахчи многа кабакаф* (Н.Чир.). *Кабаки адни в этом гаду* (Клет.). *Кабак — эт чиркасская тыкла* (Прк.). *Ф кабаках семичка крупная, нажариш да лузгаиш* (Клет.). *Пятро, палей кабаки, сафсем нахилились ани у нас* (Серг.). *Кабаки сажали — эт тыквы* (Прлз.)). Для того чтобы выяснить, являются ли данные лексемы гомогенными омонимами, ставшими результатом какой-либо трансформации семантической структуры, но всё же имеющими единое происхождение, или они есть гетерогенные омонимы, т. е. имеют разное происхождение и совпали формально случайно, мы обратились к этимологическим данным. П.Я. Черных пишет о лексеме **кабак**: «Происхождение этого слова пока ещё остается неясным и спорным, но, несомненно, оно не русское, не славянское, а заносное откуда-то с Востока, с Юго-Востока. Возможно, что старшее значение этого слова... было иное: может быть, "место, где собираются гулящие и прочие люди для игры в зернь (в кости) и в карты, подбадривая себя хмельными напитками и питьем табака",

отсюда — кабак — питейное заведение. Ср. тюрк., джаг. капак — “борьба”, “состязание”, кабак — “мишень, цель”» (Черных, I). Следовательно, диалектное слово **кабак** и древнерусское **кабак** — это гетерогенные омонимы.

Древнерусская лексема **кукла** исконно реализовала следующие значения: 1) ‘кукла’; 2) ‘определенного объема связка чистого льна или шерсти’ (ДРЯ—VIII). В словаре В.И. Даля читаем: **кукла** — ‘сдѣланное изъ тряпья, кожи, битой бумаги, дерева и пр. подобіе чело́вѣка, а иногда и животно́го; у валяльщк. и др. мастеровыхъ: болванъ, форма; *пск.* около 20 фунтовъ чистаго льна, въ связкѣ; *кал. орл.* за́вертка, за́крутка, закру́та въ хлѣбѣ, заво́й колосье́въ знахаремъ, колдуно́мъ, на порчу и гибель того, кто сниметь куклу; въ конномъ воро́тѣ, *куклы*, брусья, на кои́хъ виситъ бесѣдка погонщика’ (Даль—II).

Таблица 2

Компонентный анализ слова «кукла»

Семантический признак	Древнерусская лексема		Диалектная лексема
	<i>Кукла</i> ¹ ‘кукла’	<i>Кукла</i> ² ‘определенного объема связка чистого льна или шерсти’	<i>Кукла</i> ‘большой кусок сахара-рафинада, голова сахара’
Предмет	+	+	+
Антропоморфность	+	—	—
Игрушка	+	—	—
Элемент хозяйственной сферы	—	+	+
Совокупность однородных элементов	—	+	+

Как свидетельствуют результаты компонентного анализа, представленного в табл. 2, диалектизм **кукла** (‘большой кусок сахара-рафинада, голова сахара’. *Пакупали сразу мно́га сахару, куклу* (Прк.). *Куклу паталкутъ...* (Прк.)) (СДГВО—III) является омонимичным по отношению к первой дефиниции древнерусского слова **кукла** и имеет общие семы со второй. Гипотетически мы

можем предполагать, что интегральными и с первым древнерусским значением могли стать семы 'подобие', 'рукотворность', 'подмена', однако этимологический анализ опровергает данное предположение. Этимолог П.Я. Черных считает, что никаких общих сем или общего происхождения у древнерусской лексемы и диалектизмов нет: «Но сюда, по-видимому, не относится ни архангельское **кукла** — “привязанная к прялке охапка льну, из которого прядут нитку...”, ни колымское **кукла** — “толстая связь из ивовых ветвей”. Ср. также белорусское диалектное (витебское) **кукла** — “закрученные в прическу волосы”; “бутон”... Эти слова другого происхождения — см. “кукиш» (Черных, I). Из этимологических сведений о родстве лексем **кукла** и **кукиш** («кулак с большим пальцем, просунутым между указательным и средним, как грубый жест, обозначающий высшую степень насмешки, презрения и уничижения»; «корень давний, с общеславяно-европейской поры... Ср. <...> древнеисландское *haugr* — «холм», «курган», «гряда», «(навозная) куча» (Черных, I) становится ясным, почему большой кусок сахара возможно было именовать **куклой**. В данном случае этимологические сопоставления также подтверждают классификацию этих слов как гетерогенных омонимов.

Данный пример является яркой иллюстрацией омонимии древнерусской лексемы и диалектизма. Интересно и то, что в общепотребительной лексике близкого или аналогичного значения не обнаружено: **Кукла** — 1) ‘детская игрушка в виде фигурки человека’ // ‘устар. статуэтка’ // ‘фигура человека или животного из дерева, тряпок и т.п. в специальных театральных представлениях’; 2) ‘разг. о бездушном и пустом человеке (чаще женщине)’; 3) ‘перен. человек, слепо действующий по воле другого; марионетка’ (МАС—II).

В картотеке нашего исследования насчитывается 188 случаев омонимичного совпадения донских диалектизмов с древнерусскими лексемами. Мы видим, по крайней мере, два пути возникновения омонимов: 1) в процессе исторического развития значения полисемантической лексемы расходятся так далеко (общие семы отсутствуют), что их в современном диалекте классифицируют как омонимы; 2) случайное формальное совпадение лексем.

На этих тенденциях базируется предлагаемая в нашем исследовании классификация трансформаций семантических структур лексем донских говоров. Отметим, что предложенная классификация, как и большинство других в лингвистике, допускает определенное количество переходных случаев. Это обусловлено тем, что лексемы в разные периоды своего развития могли испытывать на себе действие разных тенденций (табл. 3).

Таблица 3

**Классификация трансформаций семантических структур
лексем донских говоров**

№ п/п	Тенденции сохранения / трансформации семантической структуры	Количество единиц в картотеке	Процент по отношению к общему объему единиц в картотеке
1	Сохранение семантической структуры с древнерусской эпохи	172	26
2	Частичное сохранение древне- русской семантической структуры	188	28
3	Изменение семантической струк- туры при сохранении формаль- ного тождества слова	310	46

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы:

- развитие лексической системы донских говоров, его лексико-семантических групп происходит в результате следующих противоположных тенденций: к подвижности, динамике семантической структуры слова, ее преобразованию — и к ее устойчивости; к утрате языковых единиц — и к появлению новых;

- различия в литературной и диалектной категоризации мира рельефно проступают при анализе уникальных по форме и содержанию диалектных лексем, которым нет соответствующего лексического эквивалента в других функциональных разновидностях языка (особенно нагляден такой диссонанс при рассмотрении омонимии).

При решении вопроса о причинах и степени сохранности / трансформации древнерусского слова важными являются как собственно языковые факторы (место, которое занимает слово в системе других слов в зависимости от его словообразовательных и семантических связей; широта распространения слова в говорах; наличие соответствующего эквивалента в литературной и шире — в общенародной лексике), так и внеязыковые.

В заключении исследования обобщаются результаты, предлагаются перспективы для дальнейших научных изысканий.

**Основные положения диссертационного исследования отражены
в следующих публикациях:**

Статьи в журналах, входящих в список ВАК

1. Калинина, А. А. Древнерусское наследие в современных волгоградских говорах (фонетические, морфологические и лексические особенности) / А. А. Калинина // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. — 2007. — № 2 (20). — С. 78—81 (0,3 п. л.).

*Статьи и тезисы докладов в сборниках материалов
научных конференций*

2. Калинина, А.А. Фонемы *в, ф* в современных волгоградских говорах (исторический аспект) / А.А. Калинина // Кирилло-Мефодиевские традиции на Нижней Волге. Вып. 6: материалы науч. конф. — Волгоград: Перемена, 2004. — С. 66—71 (0,3 п. л.).
3. Калинина, А.А. Древнерусское наследие в современных волгоградских говорах / А.А. Калинина // VIII региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области. г. Волгоград, 11—14 нояб. 2003 г.: тез. докл. Напр. 13 «Филология». — Волгоград: Перемена, 2004. — С. 79—81 (0,1 п. л.).
4. Калинина, А.А. Оканье и аканье в системе волгоградских диалектов (диахронический аспект) / А.А. Калинина // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. — Воронеж: ВГПУ, 2005. — Ч. III. — С. 45—50 (0,3 п. л.).
5. Калинина, А.А. Аффрикаты *ц* и *ч* в современных волгоградских говорах (исторический аспект) / А.А. Калинина // Язык и общество в синхронии и диахронии: тр. и материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Л.И. Баранниковой. — Саратов: Науч. книга, 2005. — С. 170—173 (0,2 п. л.).
6. Калинина, А.А. Ударное [е] на месте [о] в системе волгоградских диалектов (диахронический аспект) / А.А. Калинина // Современные парадигмы лингвистики: традиции и инновации: материалы Междунар. конф. Волгоград, 12—14 окт. 2005 г. — Волгоград: Перемена, 2005. — С. 442—445 (0,2 п. л.).
7. Калинина, А.А. Семантика слова: от древнерусского языка к донским говорам / А.А. Калинина // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы Второй Междунар. науч. конф. г. Волгоград, 24—26 апр. 2007 г.: в 2 т. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. — Т. 1. — С. 259—264 (0,3 п. л.).

КАЛИНИНА Анастасия Алексеевна

ДРЕВНЕРУССКОЕ НАСЛЕДИЕ
В СОВРЕМЕННЫХ ГОВОРАХ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
(ФОНЕТИЧЕСКИЕ, МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ,
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ)

А в т о р е ф е р а т

Подписано к печати 01.09.2008 г. Формат 60×84/16. Печать офс. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ 436.

ВГПУ. Издательство «Перемена»
Типография издательства «Перемена»
400131, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27

10-